

А.А. САЛИМГЕРЕЙ

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РАЗРАБОТКИ МИНЕРАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ КОНТИНЕНТАЛЬНОГО ШЕЛЬФА КАСПИЙСКОГО МОРЯ

Общеизвестно, что одной из главных причин препятствующей разрешению правового статуса Каспийского моря, является определение правового режима разработки его минеральных ресурсов, который может быть различным в зависимости от его статуса.

Анализ межгосударственных документов по переговорному процессу и заключенных международных актов в вопросе определения правового статуса Каспийского моря показывает, что в действующем режиме Каспия нашли отражение, как нормы международного морского права, так и международной практики государств по использованию международных или пограничных озер. При этом, значительное количество норм заимствовано из сферы международного морского права.

Например, в 1998г. Российская Федерация и Республика Казахстан, заключили Соглашение о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование (далее Соглашение). Важным аспектом этого соглашения явилось закрепление одной из важнейших норм международного права - это установление суверенных прав прибрежного государства на ресурсы морского дна. Так, в статье 2 Соглашения стороны закрепили суверенные права прибрежного государства в целях разведки, разработки и управления ресурсами дна и недр Северного Каспия в пределах своих частей дна до разделительной линии.

Если сравнить некоторые положения «Соглашения о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование», заключенное между Казахстаном и Россией 1998г. на предмет соответствия Части 6 Конвенции ООН по международному морскому праву, которая регулирует институт континентального шельфа то можно заметить следующее:

1. Сторонами закреплено в Соглашении суверенные права в целях разведки, разработки и управления ресурсами дна и недр Каспия. Аналогичные нормы содержатся в статьях 56 и 77 Конвенции ООН.

2. Согласно Соглашению водная толща Каспийского моря находится в общем пользовании,

что вполне соответствует современным тенденциям по разграничению морских пространств в сфере морского права. В статье 78 Конвенции ООН права прибрежного государства на континентальный шельф не затрагивают правового статуса покрывающих вод и воздушного пространства над этими водами. Правовой статус этих вод по мнению одних ученых является открытым морем, а это значит, что оно находится в общем пользовании, по мнению других – обладает особым режимом. В этой связи следует согласиться с Ю.Г. Барсеговым в том, что международное право не знает сочетания суверенитета государства на морском дне со статусом покрывающих вод как открытого моря¹.

3. В преамбуле Соглашения стороны определили, что рассмотрят возможность установления в его акватории зон пограничного, таможенного и санитарного контроля и рыболовных зон, а также зоны общего пользования. Так, права прибрежных государств по пограничному, таможенному и санитарному контролю урегулированы в Конвенции ООН в рамках режима прилежащей зоны. Что касается рыболовной зоны, то она в Конвенции ООН не определена, хотя некоторые государства участники-конвенции установили не исключительную экономическую зону, а рыболовную, тем не менее национальными законами регулируют отношения, связанные с сохранением и использованием не только рыбных, но и всяких природных ресурсов, в том числе минеральных. Поскольку юридическое содержание подобного закона о рыболовной зоне не выходит за пределы конвенционных прав прибрежного государства в исключительной экономической зоне, постольку такой закон, как представляется, следует квалифицировать как соответствующий международному праву².

4. В статье 5 Соглашения вопросы, связанные со свободой судоходства и полетов, прокладки и использования подводных кабелей, трубопроводов и иными видами использования Каспийского моря будут урегулированы отдельными двусторонними и многосторонними соглашениями прикаспийских государств после заключения и на основании Конвенции о правовом статусе Кас-

пийского моря. При этом, можно предположить, что данные вопросы вряд ли будут принципиально отличаться от положений Части 6 Конвенции ООН, т.к. они отражают международную практику государств и учитывают интересы, как прибрежных так и не прибрежных государств.

На основании вышеизложенного можно отметить, что установленный правовой режим морского дна северной части Каспийского моря во многом аналогичен с положениями части 6 Конвенции ООН. Причем морское дно Каспия согласно Соглашению не входит в состав государственной территории прибрежного государства, а является зоной ресурсной юрисдикции и воднаятолща морского дна по своему правовому статусу практически идентична статусу открытого моря.

Если же принять во внимание аргументы сторонников о неприемлемости применения положений Конвенции ООН на режим разработки минеральных ресурсов морского дна Каспия, поскольку Каспийское море не является морем и не имеет истинного континентального шельфа³, то этот аспект можно оспорить по следующим основаниям:

Во-первых, независимо от того, какой водоем является морем или озером, государства вправе распространить на режим его использования отдельные положения универсальных международных договоров, объектом регулирования которых являются другие территориальные пространства. Например, в 1955 г. к статье 2 закона «О континентальном шельфе» Иран добавил положение о том, что в отношении Каспийского моря основой деятельности является и есть международное право, относящееся к замкнутым морям и что природные ресурсы морского дна и их недра, смежные с берегами Ирана и Иранскими островами и расположенные на континентальном шельфе, принадлежали и будут принадлежать Ирану и остаются под его суверенитетом⁴.

Во-вторых, Каспий имеет типичный континентальный шельф, характерный для других шельфов Мирового океана, что подтверждается данными, полученными компанией «Казахстанкаспийшельф» в 1996 г. В «Каспийской энциклопедии», изданной в 2004 г. в Российской Федерации известным специалистом по каспийской проблеме И.С. Зонном на основе научных данных, отмечается: «Северный Каспий целиком расположен в пределах шельфа с глубинами не более 10-20 метров, а в среднем 4-5 метров. В Среднем и Южном Каспии шельф вдоль западного берега узкий, вдоль восточного берега широкий, в его

пределах глубины доходят до 100 метров».⁵

Но даже если не принять во внимание вышеизложенное, то и тогда морское дно Каспия будет считаться континентальным шельфом, т.к. с международно-правовой точки зрения под континентальным шельфом понимается морское дно, включая его недра, простирающиеся от внешней границы территориального моря прибрежного государства в сторону моря до установленных международным правом пределов. С геологической же точки зрения континентальный шельф представляет собой покрытую водами океана часть материка (континента), являющуюся его подводной окраиной и по своему геологическому строению и рельефу продолжающей прилегающую часть суши.

Первоначально континентальный шельф был определен в Конвенции 1958 года как поверхность и недра морского дна районов, примыкающих к берегу, но находящихся за пределами границы моря до глубины 200 метров или до такой глубины за этим пределом, который позволяет вести разработку природных ресурсов данных районов.

Новая редакция континентального шельфа содержится в пункте 1 статьи 76 Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, где континентальный шельф включает в себя морское дно и недра подводных районов, простирающихся за пределы его территориального моря на всем протяжении естественного продолжения его сухопутной территории до внешней границы подводной окраины материка или на расстояние 200 морских миль от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря, когда внешняя граница подводной окраины материка не простирается на такое расстояние. Однако если подводная окраина материка находится на расстоянии свыше 200 миль от исходных линий, то внешняя граница континентального шельфа ограничивается или 350 миль (от исходных линий), или 100 миль от 2500-метровой изобаты.

До начала 20 века, как отмечает А.Н. Вылегжанин, в международном праве считалось, что контроль над природными ресурсами зависел от приобретения суверенитета над сухопутной территорией или территориальными морями. При этом, никаких различий не существовало между суверенитетом над живыми и неживыми ресурсами. Принцип постоянного суверенитета над природными ресурсами, который получил свое развитие после 1945 года, явился ответом развивающимся государств к проблеме иностранной

собственности над их минеральными ресурсами. Это привело к принятию в 1962 г. Генеральной Ассамблей ООН резолюции XXII 1803, которая провозгласила «Право людей и наций к постоянному суверенитету над их природными богатствами и ресурсами», а преамбула содержала рекомендацию о том, что «суверенное право каждого государства распоряжаться своим природным богатством и ресурсами ... должно совпадать с их национальными интересами». Эта резолюция также не содержала никакого различия между живыми и неживыми ресурсами и не приписывала какой-либо обязанности по их сохранению, хотя и содержала пожелание содействовать международному сотрудничеству для экономического развития развивающихся стран и выгод, «извлекаемых» от обмена технической и научной информации в развитии и использовании ресурсов⁶. В 1974 г., два года спустя после Стокгольмской Конференции, Генеральная Ассамблея приняла две последующих резолюции: «Декларация об установлении Нового Международного Экономического Порядка», которая еще раз подтвердила постоянный суверенитет над природными ресурсами и праве их национализации и «Хартию экономических прав и обязанностей», где каждое государство может и должно свободно использовать полный постоянный суверенитет, включая владение, использование и распоряжение всеми его природными ресурсами⁷.

В 1969 г. Международный Суд ООН сформулировал «наиболее фундаментальную из всех правовых норм, относящихся к континентальному шельфу», а именно «правило о том, что права прибрежного государства в отношении континентального шельфа, который составляет естественное продолжение его сухопутной территории в море и под ним, существуют ipso facto и ab initio в силу его суверенитета над этой территорией». При этом было упомянуто, что данное правило уже предусмотрено ст. 2 Конвенции о континентальном шельфе 1958 г., согласно которой «прибрежное государство осуществляет над континентальным шельфом суверенные права в целях разведки и разработки его естественных богатств», а последние включают в себя «минеральные и прочие неживые ресурсы поверхности и недр морского дна, а также живые организмы «сидячих» видов». Вместе с тем Суд отметил, что сформулированное им фундаментальное правило, приведенное выше, существует «вполне независимо» оттого, что оно отражено в тек-

сте Конвенции о континентальном шельфе 1958 г. Тем самым Суд, в частности, отверг возможность отрицания этого правила государством, не являющимся участником этой Конвенции. Суд отметил далее, что прибрежное государство в пределах его континентального шельфа имеет «суверенные права для целей исследования морского дна и эксплуатации его природных ресурсов». Чтобы осуществлять это «неотъемлемое право», не требуется «каких-то специальных юридических процедур или принятия специальных правовых актов», государству не нужно «создавать такое право», хотя многие государства и объявили о своем праве на континентальный шельф; это право «не зависит и от того, осуществляется ли оно». Это право «исключительно»: если прибрежное государство не исследует и не разрабатывает районы его континентального шельфа, то, по выражению Суда, «это его дело, но никто другой не может без определенно выраженного согласия прибрежного государства осуществлять такие исследования или разработки». Суд использовал при этом текст статьи 2 Конвенции о континентальном шельфе 1958 г. Это же правило отражено и в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., согласно которой суверенные права прибрежного государства над континентальным шельфом «являются исключительными в том смысле, что, если прибрежное государство не производит разведку континентального шельфа или не разрабатывает его природные ресурсы, никто не может делать этого без определенно выраженного согласия прибрежного государства» (п.2 ст. 77) ⁸.

Необходимо иметь в виду, что Соглашение о разграничении дна северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на недропользование между Россией и Казахстаном, не имело целью разграничение в качестве государственной территории с распространением суверенитета каждой стороны за пределы его сухопутной территории на части дна моря. Главная идея данного Соглашения состояла в разграничении морского дна в качестве установления сферы ресурсной юрисдикции, в пределах которых каждое государство имеет «суверенные права» только на ресурсы морского дна.

Подводя итог, следует еще раз отметить, что заключенное между Казахстаном и Россией соглашение о разграничении морского дна северного Каспия стало поворотным ключом в затянувшемся процессе по определению нового пра-

вового статуса Каспийского моря. Последовательная политика Казахстана во многом способствовала осознанию необходимости прикаспийскими странами, что взаимодействие во всех сферах жизнедеятельности на Каспии будет справедливым и эффективным только на основе применения действующих норм международного права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барсегов Ю.Г. Каспий в международном праве и мировой политике. М., 1998. –64 с. С.29.
2. Международное морское право. Учебное пособие. Отв.ред. С.А. Гуреев. М.: Юридическая литература, 2003. – 448 с. С.341.
3. См. Материалы международной научно-практической конференции: «Правовой статус Каспийского моря, проблемы и перспективы сотрудничества прикаспийских государств», Алматы, 15-16мая, 1995г. (Стенографический отчет) Стр.76.
4. Шестопалов В.Я. Проблема делимитации континентального шельфа Персидского залива. М., 1982. -327 с. С.73.

5. Зонн И.С. Каспийская энциклопедия. М.: Международные отношения, 2004. – 464с. С.396-397.

6. Вылегжсанин А.Н. Решения Международного Суда ООН по спорам о разграничении морских пространств. М.: Юридическая литература, 2004. -224с.

7. Вылегжсанин А.Н. Решения Международного Суда ООН по спорам о разграничении морских пространств. М.: Юридическая литература, 2004. -224с.

8. Вылегжсанин А.Н. Решения Международного Суда ООН по спорам о разграничении морских пространств. М.: Юридическая литература, 2004. -224с. С.95-96.

Резюме

Мақалада автор Каспий теңізінің құрлықтық шельфінің минералды ресурстарын халықаралық құқық нормалардың негізінде әзірлеудің құқықтық реттеу месселелеріне талдау жүргізеді.

Summary

In the article the author examines the legal regulation of the development of mineral resources of the continental shelf of the Caspian Sea on the basis of international law.